

Когда дверь в кабинет высшего руководства клуба распахнулась от удара ноги, Се Линь сидел напротив кожаного дивана, кончик его пера замер над бумажным листом, и капля чернил медленно срывалась вниз.

Когда ворвался Лу Цзин, ветер всё еще несет с собой холод из коридора, его челка промокла насквозь, рубашка была мятой, словно тактический план, который скомкали тысячи раз, левая нога всё еще тупо ныла, но он не останавливался ни на секунду. Позади него двое охранников попытались преградить ему путь, но он пригвоздил их к месту одним лишь взглядом — тем самым взглядом, которым семь лет назад, лежа на газоне, где кровь смешивалась с дождевой водой, он все равно упорно продолжал смотреть на Се Линя.

— На каком основании? — голос Лу Цзина был хриплым, словно наждачная бумага терлась о ржавчину. — Нарушение правил тренировок Группой Никчемы? Какой пункт устава? Какой отчет? Кто подписал?

Он не смотрел ни на кого, его взгляд был прикован исключительно к Се Линю.

Се Линь не поднял головы.

Он опустил перо.

Чернила расплылись на бумаге, словно новая рана.

— Се Линь, — Лу Цзин приближался шаг за шагом, его кожаные туфли хрустнули, раздавив пуговицу на ковре. — Что ты подписал?

Се Линь наконец поднял глаза.

Его белки глаз были испещрены кровавыми прожилками, на подбородке виднелась щетина, а на безымянном пальце левой руки все еще красовался тот самый старый эмблемный значок команды — семь лет назад Лу Цзин лично прикрепил его со словами: Тренер, ты заслуживаешь этого больше всех.

— Добровольный уход с поста тренера, — голос Се Линя был очень тихим, словно он боялся спугнуть чей-то сон. — После подписания все вы сохраняете право на участие в турнирах. Официальные лица лиги пообещали больше не возвращаться к прошлому.

— Прошлому? — Лу Цзин усмехнулся, и уголки его глаз покраснели. — То, что ты называешь прошлым, — это ночь семь лет назад, когда мне сломали колено? Или тот день, когда ты сжег тактический план? Или те пять лет, что ты прятался от меня?

Он резко вскинул руку, схватил с журнального столика белоснежную фарфоровую чашку и с яростью швырнул ее на пол.

Раздался звон.

Осколки разлетелись во все стороны, и горячий чай залил штанину Се Линя.

— Ты снова сбегаешь? — Лу Цзин приблизился, его дыхание было горячим. — Ты всегда так поступаешь! Я получал травму — ты прятался, я преследовал тебя — ты прятался, я вернулся — и ты все равно прячешься! Чего ты в конце концов боишься? Что я выиграю? Или что ты сам не сможешь жить дальше?

Се Линь не увернулся.

Он позволил обжигающему чаю стекать по голени прямо в ботинок.

— Лу Цзин, — наконец заговорил он, и его голос звучал так спокойно, будто он зачитывал извещение о смерти. — Человек, который покалечил тебя тогда, — это племянник нынешнего члена совета директоров, Чжоу Янь.

Зрачки Лу Цзина сузились.

— Его отец — крупнейший акционер клуба. Если ты заявишь на него, он сделает так, что ты до конца жизни не сможешь поднять голову в футбольном мире. Если ты промолчишь, он сможет и дальше оставаться гениальным юношей, брать кубки, появляться на телевидении, жениться на светских львицах и жить на вилле на вершине горы.

Се Линь поднял руку и указал на окно — на верхнем этаже залитого огнями административного здания как раз располагался личный кабинет семьи Чжоу.

— Но если ты не уйдешь в отставку, — его голос стал еще тише, — всю команду подвергнут чистке. Контракт Линь Е разорвут, тренировочные квоты запасных аннулируют, молодежную академию закроют, а этих детей... снова выбросят в сточную канаву как мусор.

Из горла Лу Цзина вырвался низкий рык, похожий на вопль зверя, запертого в железную клетку.

— Так ты решил принять удар за меня? Ты скорее уничтожишь самого себя, чем позволить мне победить?

Се Линь закрыл глаза.

— Ты победил — значит, я имею право жить.

Эта фраза была легкой, как перышко, но ударила так сильно, что у Лу Цзина подкосились колени.

Он помнил тот день.

Семь лет назад, лежа на операционном столе, когда наркоз еще полностью не отпустил, он услышал, как медсестра тихо сказала: Тот тренер... стоял на коленях в конце коридора и плакал всю ночь напролет.

Он думал, это от жалости.

Теперь он понял — это было искупление вины.

Се Линь открыл глаза, достал из портфеля документ и подвинул его к Лу Цзину.

— Это твой новый контракт, приказ о назначении капитаном. И еще... — он замялся, и в его голосе наконец прорезалась трещина. — Тот магазинчик жареных каштанов с сахаром, который ты так любил в детстве, я выкупил. Он не работает, вывески нет, но ключи... я все храню.

Лу Цзин уставился на бумагу, его пальцы дрожали.

Ему хотелось обругать его, избить, разорвать это проклятое заявление.

Но он приоткрыл рот, и не смог вымолвить ни слова.

Он внезапно вспомнил записку, которую ему сунул Линь Е.

— Я знаю, почему ты вернулся. И я тоже хочу вместе с тобой одержать победу над ними.

Он вспомнил, как Се Линь нес его на спине в проливной дождь и говорил: Помнишь? Семь лет назад ты хватался за полу моей одежды и говорил: Тренер, я еще могу играть.

Он вспомнил подвал, где Се Линь стоял за дверью всю ночь напролет, а тот самый нераскрытый новый тактический план в его руке коробился от дождевой воды.

Оказывается, он никогда не сдавался.

Он просто... не смел больше приближаться.

Лу Цзин резко подался вперед, схватил Се Линя за воротник и притянул к себе.

— Слушай сюда, — процедил он сквозь зубы, и каждое слово звучало так, будто было вырвано с кровью. — Уйдешь ты — уйду и я. Исчезнешь ты — я завершу карьеру. Умрешь ты — я умру вместе с тобой.

Зрачки Се Линя резко сузились.

— Ты...

— Мне не нужно, чтобы ты отдувался за меня, — Лу Цзин разжал руки, его голос звучал хрипло, как галька. — Я хочу, чтобы ты победил вместе со мной.

Он развернулся и большими шагами направился к выходу.

В тот самый момент, когда его рука коснулась дверной ручки, он замер.

— Се Линь.

Он не обернулся.

— Тот тактический план... который ты спрятал между страницами, это ведь была Абсолютная расстановка для контратаки?

Се Линь вздрогнул.

— Да.

— Я нашел ее, — тихо сказал Лу Цзин. — Я собрал ее заново.

Он толкнул дверь и вышел.

Дверь за его спиной закрылась.

Се Линь замер на месте.

Осколки чайной чашки все еще блестели, тепло остатков чая еще не рассеялось.

Он опустил взгляд и заметил, что на безымянном пальце его правой руки Лу Цзин незаметно

успел заменить старый значок команды на новый — тот самый, который должен был принадлежать тренеру-победителю.

Дражащими руками он достал из внутреннего кармана костюма сложенный лист бумаги.

Развернул.

Это был тот самый тактический план, который он семь лет назад разорвал собственными руками, а потом собирал по кусочкам.

Красным карандашом было выведено:

Если ты вернешься, эта расстановка станет искуплением.

На обратной стороне листа появилась еще одна строка. Чернила еще не высохли, буквы кривые, словно их писал ребенок:

А теперь давай победим вместе.

Се Линь закрыл глаза.

Капля слезы упала прямо на слово искупление.

Он поднялся на ноги и направился к сейфу в углу кабинета.

Ввел пароль.

Щелк.

Дверь открылась.

Внутри тихо лежали два новеньких тренерских значка.

На одном было высечено: Се Линь.

На другом было высечено: Лу Цзин.

Он взял значок с именем Лу Цзина и приколот его к собственной груди.

Затем схватил пальто и толкнул дверь.

В конце коридора Лу Цзин стоял у лифта, спиной к нему, его левая нога едва заметно дрожала, но сам он стоял прямо.

Се Линь подошел, ничего не говоря, просто встав рядом с ним.

Двери лифта медленно открылись.

Они вошли внутрь плечом к плечу.

В тот момент, когда металлические створки сомкнулись, Лу Цзин внезапно заговорил:

— Как думаешь, чем сейчас занят парень по имени Линь Е?

Се Линь: — ...

— Наверное, прямо сейчас перерисовывает твой тактический план на стене раздевалки, — уголки губ Лу Цзина дернулись, то ли в усмешке, то ли в слезах. — Каждый штрих — точь-в-точь как ты писал для меня тогда.

Лифт спускался.

Свет то вспыхивал, то гас.

Се Линь тихо произнес: — У меня... нет права стоять рядом с тобой.

Лу Цзин не посмотрел на него, лишь протянул руку и крепко сжал правую руку Се Линя.

Эта рука была ледяной и дрожала.

— У тебя нет права? — Лу Цзин наконец повернулся к нему, и его взгляд был остер, как нож. — Тогда почему ты до сих пор жив?

Раздался звонок лифта, и он остановился на цокольном этаже.

Двери открылись.

Хлынул ночной ветер.

Вдали еще горели огни тренировочного поля.

Кто-то наматывал круги.

Кто-то пинал мяч.

Кто-то выводил на стене мелом красные стрелки.

Указывающие прямо в сердце.

Се Линь стоял на месте, не сдвинувшись сдвинувшись с места.

Лу Цзин отпустил его руку, развернулся и направился к тренировочному полю.

Сделав несколько шагов, он остановился.

— Се Линь.

Он не обернулся.

— Если ты сейчас же не догонишь меня, я буду играть один.

Ветер взметнул край его футболки.

Обнажив на левой ноге уродливый шрам от старой травмы.

И ярко-красную стрелку, нарисованную маркером.

Указывающую в сердце.

Се Линь наконец сделал шаг.

Его шаги были легкими.

Но больше он не останавливался.

Он бросился в погоню.

В ночной темноте две фигуры, одна за другой, направлялись к освещенному прожекторами газону.

Точно так же, как семь лет назад.

Точно так же, как в том дожде, которому не будет конца.

<http://bllate.org/book/19070/1873134>